

диций и культур через раскрытие практических последствий тех или иных верований и убеждений, имеющих важное адаптивное значение.

Стремительное развитие человечества в XIX – XX вв., нарастание процессов глобализации ставят перед научным миром целый ряд проблем, связанных с осмыслением новых форм межкультурного взаимодействия. Показателен резонанс, вызванный работой С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций», в которой была особенно выделена роль культурных факторов в современных международных отношениях. Он верно подчеркнул и нарастание системного кризиса современного человечества: «На мировой основе Цивилизация, как кажется, во многих отношениях уступает под натиском варварства, отчего возникает впечатление о возможно поджидающем человечество беспрецедентном явлении – наступлении глобальных Темных веков. (...) В более масштабном столкновении, глобальном «настоящем столкновении» между Цивилизацией и варварством, великие мировые цивилизации, обогащенные своими достижениями в религии, искусстве, литературе, философии, науке, технологии, морали и сочувствии, также должны держаться вместе, или же они погибнут поодиночке»³². Все это указывает на актуальность проведения дальнейших исследований, раскрывающих влияние религиозного фактора на общественные и политические процессы Нового и Новейшего времени.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ЕВРОПЕЙСКОГО АБСОЛЮТИЗМА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Л.В. Ландина, г. Минск

В статье предлагается теоретическая модель концепта европейского абсолютизма, созданная на основе современных методологических тенденций. Автор не только демонстрирует, каким образом изменялось соотношение правового и социологического подходов в рассматривании европейского абсолютизма в российской историографии, но и предлагает дополнительные компоненты его концептуальную модель.

Ключевые слова: историография, методология, европейский абсолютизм, всеобщая история, новистика.

Для характеристики западноевропейских государственных институтов термин «абсолютизм» стал применяться в российской историографии с середины XIX в. Впервые он появился у медиевиста С.В. Ешевского в лекционном курсе 1858/59 гг. при описании ранней империи в Риме. Речь шла о том, что истомленное гибелью республики Римское го-

³² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003. – С. 532; Также см.: Корм Ж. Религиозный вопрос в XXI веке. Геополитика и кризис: постмодерна. – М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2006.

сударство признало власть Августа как условие мира и спокойствия [4, с. 125–126]. В интерпретации Ешевского абсолютизм связывался в первую очередь с авторитаризмом власти, необходимым во имя высшей цели: «Абсолютизм является иногда исторической необходимостью, шагом вперед в государственном развитии... Как переходное состояние, как возможность ... лучшего будущего, абсолютизм имеет свое историческое оправдание, даже проявляясь в суровых, жестких формах... [4, с.126]. Однако, предупреждает Ешевский, утративший необходимость, ставший самоцелью, «абсолютизм губительно действует на все живое, смертельным недугом поражает организм общества» [4, с.126].

Трактовка С.В. Ешевского демонстрирует, в первую очередь, правовой подход – абсолютизм выступает как этап в развитии государства. При этом доминирующей ценностью выступает свобода, на время попранная абсолютизмом. Интерпретация Ешевского весьма показательна в контексте популярности либерализма в Европе, а в России – либерально-реформаторской эпохи Александра II. Более того, именно такое понимание абсолютизма, применительно к новоевропейскому государству, станет каноническим. Лапидарно это выглядело следующим образом. Абсолютизм (абсолютная монархия) признавался закономерной формой управления. На определенном этапе он был необходим (для централизации и гражданского мира), а затем превращался в подавляющую общество силу. Это приводило к буржуазным революциям, и абсолютизм сходил с исторической арены.

В условиях пореформенной России сформировалась основанная на позитивистской методологии и либеральных идеях «русская школа» всеобщей истории. Так, крупнейший ее представитель Н.И. Кареев традиционно ставил на первое место в понимании абсолютизма правовой подход. Это такое государство, где общество исключено из управления, власть концентрируется в одном лице, а проводниками ее являются чиновники и бюрократия. Это бюрократическое, полицейское государство, с системой всепроникающей опеки и преклонением перед государственностью в ущерб гражданским правам. Это, наконец, общество сословных привилегий [7, с.2–8]. Великая французская революция сокрушила абсолютизм, и тогда же появился термин «старый порядок», характеризующий учреждения и отношения, которые господствовали в дореволюционной Франции и аналогичные им в других странах. Крушение «старого порядка» в России Кареев относит к 1905 г. [7, с. 1, 4–5]. Таким образом, в начале XX в. в российской новистике утвердилось параллельное употребление терминов «абсолютизм» и «старый порядок».

Тем не менее, считая главным правовой критерий, российские дореволюционные историки отнюдь не игнорировали социально-экономических основ абсолютизма. Например, коллега Кареева П.Н. Ардашев, выдвигая на первое место в формировании абсолютной монархии правовые факторы – римскую государственную идею, падение феодально-

го партикуляризма – обращает особое внимание на экономические и социальные предпосылки абсолютизма. Он пишет о том, что разложение феодализма (т.е. феодальной раздробленности) происходило в результате освобождения крестьян из крепостной зависимости, роста городов, формирования рынка, разрушения натурального хозяйства. В связи с этим развивается промышленность, формируется буржуазия. Потребность государства в средствах вызывала к жизни налоги и государственный кредит. Соответственно, возрастала роль буржуазии и «сила денег», в то же время значение феодалов как основы армии снижалось [1, с. 13–19].

Советская историография, сохранив присущее для либералов отношение к абсолютизму как к «неизбежному злу», кардинально изменила подходы в интерпретации абсолютизма. На первое место был выдвинут социологический подход в понимании абсолютизма. В 1920-х гг. это выразилось в идее о том, что абсолютизм является государством периода торгового капитализма. При этом классовой основой абсолютистской монархии признавались и буржуазия, и дворяне-помещики, ориентированные на рынок [11, с. 1, 23]. После крушения «школы Покровского» и теории «торгового капитализма» социальной основой абсолютизма было объявлено дворянство. Такого же мнения придерживались и дореволюционные историки, но в советской историографии эта пресмственность никогда не озвучивалась [8, с. 339–341].

Социологическая модель абсолютизма, в противовес правовой, утвердилась в советской историографии. Ее выражением была концепция «равновесия», в наиболее полном виде сформулированная С.Д. Сказкиным в статье «Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме», изданной в 1941 г. Сущностью всякой феодальной монархии, в том числе и феодально-абсолютистской, сبъявлялась диктатура класса феодалов [12, с. 8–9]. Этот тезис утвердился в советской историографии на долгие годы. В апреле 1968 г. С.Д. Сказкин в выступлении на советско-итальянской конференции еще раз повторил, что советскими историками абсолютизм расценивается как «последняя форма феодального государства дворянства в условиях экономического подъема класса буржуазии...» [2, л. 1], в чем и заключалось «равновесие». Принципиально важной для советской историографии была борьба дворянства и буржуазии, взаимно ослаблявших друг друга, что способствовало усилению королевской власти.

Концепция «равновесия», в рамках которой были нивелированы и западноевропейский, и российский абсолютизм, тем не менее, оставляла без ответа ряд вопросов. Назревающий концептуальный кризис продемонстрировала прошедшая в 1968 – 1972 гг. дискуссия об абсолютизме, до конца так и не оцененная в советской историографии [9]. Действительно, дискуссия не разрешила все назревшие проблемы и не указала, что является мерлом пресловутого «равновесия» дворянства и буржуазии и как оно конкретно выражается. Этой цели не могло быть достигнуто в принципе. Пе-

реходный характер раннего Нового времени, размытость сословных рамок, недостаточность эмпирического материала, сложность соотнесения того, что подразумевалось под «буржуазией» советскими историками с материалами источников – все это делало невозможным формализацию сложнейших социальных процессов новоевропейского общества.

Дискуссия продемонстрировала узость лишь одной социологической модели абсолютизма. Но это было закономерно и симптоматично. Социальная история, как в Европе, так и в СССР, переживала кризис, и попытка свести познание исторических процессов к изучению динамики социальных групп и экономических условий достигла своего предела.

Общие итоги споров советских историков об абсолютизме были максимальными в тех условиях. Во-первых, позиции концепции «равновесия» были существенно подорваны, особенно в отношении российского абсолютизма. Например, специалист по российской истории XVIII – XIX вв. И.А. Федосов, вообще заменил смысловое наполнение понятия «равновесие». По его мнению, «равновесие – это не равенство сил двух классов, а такой уровень социально-экономического развития, при котором четко проявляются различные тенденции этого развития, такое состояние общества, когда государственная власть получает возможность противопоставлять одни социальные слои... другим слоям...» [13, с. 50]. Историкографическая реальность показала, что понимание «равновесия» в 1941 г. существенно отличается от такового в 1972 г. Во-вторых, А.Е. Чистозвонов, специалист в области позднего средневековья, указал на перспективные проблемы по выявлению региональной специфики абсолютизма и скорректировал само определение абсолютизма [15]. Наконец, даже в условиях жесткого доминирования марксистской парадигмы была продемонстрирована возможность методологического маневра.

Тем не менее, упрощенный социологический подход продолжал существовать до второй половины 1980-х гг., когда в рамках политики перестройки активизировалось изучение государственных институтов, религии, культуры, и, наконец, появились первые отдельные исследования персоналиях эпохи абсолютной монархии – Ришелье [16] и Кольбере [10].

Знаковым событием в исторической науке было 200-летие Французской революции. После этого методологические изменения приобрели необратимый характер. Смена дискурса исследований проявилась в ряде аспектов. На методологическом уровне была фактически упразднена концепция «равновесия», что не встретило сопротивления в научном сообществе. На ценностном уровне абсолютизм перестал рассматриваться как «необходимое зло» и причина буржуазных революций и становился самодостаточным объектом для изучения. Изменилась терминология и лексика исследований. Наконец, в интонациях и внешнем оформлении публикаций к концу 1980-х гг., особенно в исследованиях по всеобщей истории, исчез конфронтационный дискурс и ссылки на классиков марксизма.

Современная российская историография демонстрирует многообразие подходов в интерпретации европейского абсолютизма. В последние годы возросло значение правового подхода. Так, в соответствующих сюжетах обобщающих работ на первое место выдвинуты возрождение римской идеи единой власти, суверенитета государства, формирование абсолютистской идеологии [3, с. 482–483; 5, с. 32; 6, с. 149–150]. Целый ряд исследований посвящен социальной психологии, ментальности общества, репрезентации власти, персоналиям правящей элиты эпохи абсолютизма.

На смену методологическому монизму и концепции «равновесия» пришла плюралистическая методология. В связи со сменой революционных ценностей традиционалистскими кардинально изменилось отношение к абсолютизму. Он перестал быть терпимым явлением и причиной буржуазных революций, как это было в дореволюционной и советской историографии, и превратился в самоценный объект исследовательского интереса. Разнообразилось и расширилось проблемное поле в изучении абсолютизма, с включением в него подходов психоистории, пресоциологии, гендерной истории, истории повседневности, истории элит, функционирования двора, общественной ментальности, психологии власти, психологии масс и протестных движений, потестарной имагологии и т.д.

В построении современной концептуальной модели абсолютизма базовым должен быть правовой подход. Приоритетность его доказана не только историографической традицией, но и практикой исторического развития, возрождением идей римского права, их рецепцией и применением в деятельности европейских монархий.

Ни к какой мере не потерял своей актуальности социологический подход, но он должен быть существенно дополнен. Абсолютная монархия – это форма государственной власти в обществе переходного периода, времени формирования и развития мануфактурного капитализма. Наличие буржуазии (что бы ни подразумевалось под этим термином в новоязном европейском обществе), обладающей финансовыми возможностями, кредитующей верховную власть, выступающей ее союзником, аноблирующей и входящей в административную элиту, диктует потребность в дальнейшем социальном анализе. Последний не должен, однако, замыкаться на уже традиционном противопоставлении буржуазии и дворянства. Дворянство не было однородным в своем отношении ни к абсолютизму, ни к буржуазии. Что же до крестьянства, то отношение этого, самого многочисленного класса общества к абсолютной монархии гораздо сложнее и не может быть охарактеризовано только «царистскими иллюзиями».

Абсолютной монархии изначально присуще сакральное ее обоснование, в силу чего в концептуальную модель абсолютизма должен быть внесен конфессиональный компонент. Абсолютная монархия – это форма управления в эпоху, когда церковь не была отделена от государства. Соответственно, божественная санкция, сакральность личности монарха,

присутствие церковной элиты в управлении должно учитываться как специфическая черта новоевропейского абсолютизма.

Наконец, абсолютная монархия формирует специфический тип политической культуры, что предполагает включение в модель абсолютизма ментального компонента. Абсолютный монарх эпохи рационализма и Просвещения возвышается не над гражданами, а над подданными, регулируя их жизнь – публичную и частную – на основе идей общего блага, государственного интереса, службы Отечеству и т.д. Тираноборческие и демократические доктрины, равно как и крестьянские войны и восстания, ни в коей мере не отменяют этого обстоятельства. При этом нужно иметь в виду, что в западноевропейской политической культуре единоличная, абсолютная власть монарха суверенна, но не произвольна. В силу этого основанная на «законных» основаниях власть монарха противопоставляется деспотизму.

Рассматривая построение теоретической модели абсолютизма, нельзя обойти вниманием терминологический ее аспект. Тезис о том, что власть монарха на практике, фактически, имела ряд ограничений – от «естественных законов» и традиционных корпоративных норм до установленного порядка престолонаследия – уже несколько десятилетий является общим местом. Само же слово «абсолютизм» происходит от латинского «absolutus», что значит «неограниченный», «безусловный». Таким образом, понятие и определяемый им объект не совпадают. Это стало терминологической проблемой и поводом не только для ревизии самого понятия «абсолютизм», но и аргументом в пользу его упразднения [14].

Однако необходимо четко ответить на следующий вопрос. Если принять во внимание роль местных традиций, парламентов или общественного мнения, например, во Франции, существовал ли там социальный институт или орган управления, который мог легитимно оспорить права короля и тем более их реально ограничить или нарушить независимо от того, шла речь о королевских прерогативах или правах подданных? Отрицательный ответ на данный вопрос дает возможность утверждать, что как раз в формально-юридическом аспекте власть монарха и была неограничена. Введение оговорки «формально неограниченная власть» позволит «снять» одно из главных противоречий, дававших очевидный повод для ревизии понятия «абсолютизм».

В широком смысле, как характеристика новоевропейского общества, термин «абсолютизм» приемлем, однако, как и упраздненный ныне «царизм», он несет в себе излишнюю категоричность и негативную коннотацию. В силу этого, оправданно заменить «абсолютизм» в данном значении «старым порядком», возвращенным в историческую науку в конце 1980-х гг. Впрочем, и данный термин небезупречен. Появившись в эпоху Великой французской революции, он нес негативный подтекст и подразумевал то, что надлежало уничтожить революционным путем.

Для характеристики же формы государственного управления, доминирующей в Европе раннего Нового времени, уместен термин «абсолютная монархия», с внесением в него необходимых корректив. Такая замена правомерна. Указанный термин и соответствующее понятие вписываются в узнаваемый логический ряд: сословно-представительная монархия, абсолютная монархия, конституционная монархия, в котором ранжирование проведено по критерию баланса сил монархии и сословно-представительных институтов. Если выходить за рамки традиционных для российской историографии терминов, то можно вспомнить существующие в западноевропейской исторической науке понятия «административная монархия» и «классическая монархия». Они, несомненно, могут применяться. Возможно, концепт абсолютизма, или «старого порядка» приобретет в данном случае новые смысловые оттенки. Вместе с тем, кардинально решить терминологическую проблему вряд ли удастся – количество вопросов и уточнений относительно новых понятий может минимизировать положительный эффект их применения.

Предложенная выше замена «абсолютизма» «абсолютной монархией», кроме рациональных доводов, имеет прецедент. Из постсоветской историографии достаточно быстро исчезли вызывающий негативные ассоциации термин «царизм», характеризовавший российскую монархию, а также аналогичный по отрицательному подтексту «феодално-абсолютистский строй», применявшийся еще с середины 1930-х гг. для характеристики социально-политического развития Западной Европы.

Список использованных источников

1. Ардашев, П.Н. Абсолютная монархия на Западе / П.Н. Ардашев. – СПб.: Тип. Акц. Обва Брокгауз-Эфрон, 1902. – 183 с.
2. Архив Российской академии наук (РАН). Фонд 1472. Оп. 1. Д. 25. О проблеме абсолютизма в Европе [выступление на советско-итальянской конференции историков] – 1968 г.
3. Всемирная история : В 6 т. / гл. ред. А.О. Чубарьян; Ин-т всеобщей истории РАН. – М. : Наука, 2011. – Т.3. – Мир в раннее Новое время / Отв. ред. В.А. Ведюшкин, М.А. Юсим. – 2013. – 857 с.
4. Ешевский, С.В. Сочинения / С.В. Ешевский. – Часть первая. – М.: Типогр. Грачева и К., – 1870. – 576 с.
5. История Нового времени: 1600 – 1799 годы: Учеб. пособие для студ. вузов / под ред. А.В. Чудинова, П.Ю. Уварова, Д.Ю. Бовыкина. М. : АСТ; Астрель. – 2007. – 508 с.
6. История Франции / М.Ц. Арзаканян, А.В. Ревякин, П.Ю. Уваров: Учебник для вузов. – М. : Дрофа, 2005. – 474 с.
7. Кареев, Н.И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков: Общая характеристика бюрократического государства и сословного общества «старого порядка» / Н. Кареев. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908. – 452 с.
8. Ландина, Л.В. Понятие абсолютизма в советской историографии 1920 – 1930-х годов: преемственность или дискретность? / Л.В. Ландина // Средние века : исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени / Ин-т всеобщей истории РАН. – М. : Наука. – Вып. 78 (1-2). – С. 326–345.

9. Ляхович, Л.В. Дискуссия 1968 – 1972 гг. и разработка проблемы абсолютной монархии в российской историографии второй половины XX века / Л.В. Ляхович // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. Сб. науч. ст. Под ред. докт. фил. наук, проф. В.Ф. Беркова. Вып. 12. В 2 ч. Ч. 1. – Минск, РИВШ, 2013. – С. 221 – 229.
10. Малов, В.Н. Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество / В.Н. Малов. – М. : Наука, 1991. – 240 с.
11. Розенталь, Н.Н. История Европы в эпоху торгового капитализма / Н.Н. Розенталь. – Л. : Прибой, 1927. – 224 с.
12. Сказкин, С.Д. Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме / С.Д. Сказкин // Ученые записки Московского городского педагогического института. – 1941. – Т. 3. – Вып. I. – С. 3–25.
13. Федосов, И.А. Социальная сущность и эволюция российского абсолютизма (XVIII – первая половина XIX века) / И.А. Федосов // Вопросы истории. – 1971. – № 7. – С. 46–65.
14. Хеншелл, Н. Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. / Н. Хеншелл / Пер. с англ. А.А. Паламарчук при участии Л.Л. Царук, Ю.А. Махалова, отв. ред. С.Е. Федоров. – СПб. : Алетейя. – 2003. – 272 с.
15. Чистозвонов, А.Н. Некоторые аспекты проблемы генезиса абсолютизма / А.Н. Чистозвонов // Вопросы истории. – 1968. – № 5. – С. 46–62.
16. Черкасов, П.П. Кардинал Ришелье / П.П. Черкасов. – М. : Междунар. отношения, 1990. – 384 с.

ПЕРВЫЕ ДЕЛЕГАЦИИ РАБОЧИХ И ПРОФСОЮЗНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В БССР

А.И. Осипович, г. Минск

Статья посвящена первым визитам рабочих и профсоюзных делегаций Великобритании в БССР в 1919-1924 гг. Определены их основные тенденции и содержание. Уделяется внимание негативному влиянию политических и идеологических факторов на межгосударственное сотрудничество в названной сфере.

Ключевые слова/словосочетания: интернациональные связи, профсоюзный деятель, социалистические идеи, идеолого-политическая ориентированность.

Важную и своеобразную форму интернациональных связей в межвоенный период представлял собой обмен рабочими и профсоюзными делегациями между Великобританией и БССР. В ходе этих поездок, нередко преследовавших определенные политические цели, происходило взаимопроникновение и взаимообогащение культур народов двух стран.

Первые контакты в этой сфере начались в 1919 г. 16 января в газете «Звезда» была помещена информация о том, что в Минске с публичной лекцией «Интеллигенция и социализм» должен был выступить английский рабочий и профсоюзный деятель Р. Пикель [1]. 22 января он прочи-